

Та безмолвная мольба в заброшенном саду стала подобна камню, брошенному в глубокий омут. В строгом дворцовом укладе, где за внешней гладью скрывались бурные течения, пошли едва заметные, но вполне реальные круги.

Указ о помощи пострадавшим от стихийного бедствия исполнялся с молниеносной быстротой. Вскоре на пустыре за Западным садом выросли ряды палаток для раздачи каши.

В огромных котлах бурлила густая рисовая каша, и в лютый мороз от нее упрямо поднимались клубы пара, образуя белесую дымку, на время разгонявшую окутывавшую беженцев тень смерти.

В тронном зале еще не утихли споры о столь редком проявлении императорской милости, как еще один, куда более пугающий указ, словно ледяные оковы, тяжело опустился на крыши дворца Чжумин.

— Его Величество повелевает: молодой господин Се печется о простом народе, его добродетель достойна похвалы и может служить примером. Учитывая его слабое здоровье и непереносимость холода, даруется ему право следовать за императорским кортежем в теплых носилках для осмотра места раздачи помощи в Западном саду, дабы успокоить народ и явить милосердие государя ко всем живущим. Такова воля императора.

Пронзительный, словно скрежет металла по стеклу, голос евнуха, зачитывавшего указ, эхом отдавался в пустом зале. Каждое слово, как ледяная игла, вонзалось в сердце Се Цинъяня.

Он стоял на коленях на холодном твердом золотом кирпиче, но холод, пробиравшийся от пола, был ничем по сравнению с ледящим ужасом в груди.

Успокоить народ?

Сяо Чэ бросил его в самое пекло! Он выставил его, насильно притащенного во дворец и уже заклеянного позорным столбом как источник всех бед, прямо на острие копья — перед лицом тех самых погорельцев, что лишились крова, голодали и переполнялись ненавистью к властям. Как же коварно и злобно его намерение! Это вовсе не усмирение народа, а убийство чужими руками, попытка раздавить его под колесами народного гнева!

Тяжелые теплые носилки принесли к дверям дворца Чжумин. Плотные шелковые шторы опустились, отсекая ледяной ветер и все посторонние взгляды.

Слуги, поддерживая Се Цинъяня под руки, почти впахнули его внутрь. Он чувствовал себя бездушной, марионеточной куклой в чужих руках.

Носилки тронулись. Движение было плавным, но давящим. Миновав череду мрачных высоких ворот, он услышал шум толпы — сначала далекий, затем все более отчетливый и неистовый.

Это был ревущий поток, состоящий из голодных стонов, отчаянных воплей и оцепенения от холода. Тяжелая ненависть и злоба, исходящие от людей, словно ударили в кажущиеся прочными стены носилок, пытаясь поглотить его целиком.

Когда евнух быстро и почтительно откинул шелковую штору, внутрь хлынул ледяной ветер и слепящий свет.

Се Цинъянь невольно зажмурился от резкого шума и сияния.

Увиденное заставило его дыхание замереть, а кровь — словно превратиться в лед.

Шэнь Янь, студент-естественник, облаченный в верхнюю одежду Се Цинъяня, смотрел на происходящее. Он видел такие сцены только в современных сериалах, но не ожидал, что в реальности все будет настолько страшно.

Под временным помостом колыхалось бескрайнее море людских голов, черное, как прилив. Оборванцы, чьи лохмотья развевались на ветру, обнажая посиневшую от мороза кожу; изможденные лица, мутные глаза, полные оцепенения, — но стоило им увидеть его, этого знатного господина, что, кутаясь в роскошные меха, выглядел еще более хрупким и болезненным, как в их взорах вспыхнул странный, извращенный огонек.

В этом блеске смешались инстинктивный трепет, глубокое недоумение и крупца направляемой кем-то ненависти, что, подобно ядовитому плющу, разрасталась в их сердцах. Вокруг помоста выстроилась Императорская гвардия, закованная в сталь, — живая ледяная стена. Их копья поблескивали в тусклом свете, словно клыки самой смерти.

Сяо Чэ стоял в центре помоста. Его черный плащ с золотыми драконами развевался на ветру, как знамя смерти.

Он повернул голову, и его взгляд, подобно двум ледяным прожекторам, точно упал на Се Цинъяня, которого слуги бережно поддерживали под руки. Тот выглядел еще бледнее, чем мех на его воротнике.

В глазах императора не было тепла — лишь холодный расчет и жестокое любопытство, словно он с интересом ожидал начала тщательно поставленного кровавого спектакля.

Се Цинъяня поставили чуть позади Сяо Чэ — на самое видное место, приковывающее тысячи взоров снизу.

Толпа на мгновение затихла, погрузившись в удушливую тишину, а затем тысячи взглядов, словно отравленные стальные иглы, вонзились в него. Зависть, недоумение, любопытство... и все это быстро переросло в неприкрытую ярость.

Он ясно чувствовал, как в людях разрастается безумное чувство: жгучая зависть к этому баловню судьбы, живущему в роскоши и не знающему народных бед, и ненависть, вызванная их собственными страданиями, которую кто-то умело направил на него. Он стал воплощением их отчаяния и гнева.

— Его Величество милосерден! Он открыл амбары, чтобы спасти жизни! Благодать его безмерна! Вы должны быть благодарны за небесную милость, вести себя смирно и ждать помощи! — надрывался чиновник, пытаясь с помощью пустых лозунгов направить народный гнев в нужное русло.

Однако откуда-то из толпы внезапно раздался пронзительный, похожий на крик ночного хищника вопль, ставший искрой, упавшей в раскаленное масло:

— Милосерден?! Тьфу! Мой ребенок! Ему было всего пять лет! Он замерз насмерть прямо здесь, в этой снежной пустыне, пока вы разглагольствовали о милосердии! Мы даже горячей каши не дождались! Небо слепо! Чиновники пьют нашу кровь! Новый император крадет жену у другого, чтобы наслаждаться жизнью! Разве можно выжить в этом людоедском мире?!

Обвинения летели прямо в сторону помоста, каждое слово было пропитано кровью.

— Верно! Он украл невесту генерала Линя! Тиран без чести!

— Демон, что губит страну! Роковая красавица! Бедствия — это предупреждение небес!

— Сжечь этого демона! Искупить вину перед небом! Отомстить за наших родных!

Отчаяние и гнев, словно подожженный хворост или смертельная зараза, мгновенно взорвались и распространились по толпе.

Люди безумно ринулись вперед, подобно прорвавшему плотину потоку. Камни, мерзлые комья земли и грязные снежки градом полетели на помост.

Оборона гвардейцев зашаталась под страшным натиском. Рев, плач, проклятия и стук камней о щиты слились в оглушительную симфонию смерти.

— Охраняйте государя! Защитите Его Величество! — раздались истошные крики, ситуация вышла из-под контроля.

Острый, твердый как железо ком мерзлой земли со свистом прорезал воздух, летя прямо в незащитное лицо Се Цинъяня. Скорость была слишком велика, угол — слишком точен, он не успевал среагировать. Тень смерти накрыла его.

Но в этот миг, в мгновение ока, черная тень, окруженная ледяным ветром и знакомым ароматом драконовой амбры, подобно надежному щиту, с силой повалила его на землю. Тяжелое тело, пахнущее сталью и кровью, плотно накрыло его, защищая от всего мира.

Бам!

Раздался глухой, пугающий звук. Смертоносный ком мерзлой земли с силой ударил Сяо Чэ прямо в левое плечо. Хруст костей потонул в шуме толпы, но тело, прикрывавшее Се Цинъяня, мгновенно напряглось, как железо, и из груди императора вырвался сдавленный стон.

Се Цинъянь, прижатый Сяо Чэ к земле, чувствовал щекой его холодную твердую одежду. Он ясно ощущал, как бешено бьется сердце императора, подобно боевому барабану, и как мышцы под ним судорожно дергаются от невыносимой боли.

На лбу Сяо Чэ выступил холодный пот, стекая по жестким чертам лица, но глаза его, свирепые, как у раненого древнего зверя, смотрели на ад, творящийся внизу. Он проревел, перекрывая шум хаоса:

— Стрелять! Кто идет против императора — убить без пощады!

Ледяной приказ прозвучал как похоронный звон.

— Нет! — голос, от которого душа Се Цинъяня содрогнулась, раздался подобно грому среди ясного неба.

На окраине обезумевшей толпы показался всадник. Словно выпущенная из лука стрела, он прорвал редеющую линию гвардейцев. Молодой генерал, чьи доспехи были покрыты пылью, а на лице виднелся еще не заживший шрам от кнута, — это был Линь Мье, вырвавшийся из-под домашнего ареста. Его глаза налились кровью, он кричал, срывая голос от ярости и тревоги:

— Ваше Величество, смилуйтесь! Беженцы не виноваты, они лишь жертвы подстрекателей! Умоляю, проявите милость! Опустите мечи!

Он пытался своим авторитетом и телом остановить назревающую бойню.

Его появление было подобно тому, как в кипящее масло плеснули ковш воды.

Кто-то из беженцев узнал молодого генерала, известного своей добротой и любовью к солдатам, и напор толпы немного ослаб.

Тысячи глаз с надеждой устремились на него.

Однако в тот миг, когда Сяо Чэ увидел, как Линь Мые, ворвавшись верхом, тревожно смотрит на Се Цинъяня, последняя искра тепла в его глазах погасла, сменившись яростной жаждой убийства. Появление Линь Мые задело его самую больную струну.

— Линь Мые! Самовольное появление перед императором — преступление, караемое смертью! — Сяо Чэ оттолкнул Се Цинъяня и, преодолевая боль в плече, с трудом поднялся. Он указал пальцем на генерала, готового умереть за его Се Цинъяня, и голос его, холодный как лед из девятого ада, сочился ядом: — Схватить его! Убить на месте!

— Слушаюсь! — в глазах начальника гвардии блеснул холод, он без колебаний выхватил меч, и сверкающее лезвие прочертило в тусклом свете ослепительную дугу. С ледяной решимостью он бросился на Линь Мые.

Нет!

Се Цинъянь издал беззвучный, разрывающий душу крик. Огромный ужас, словно ледяная рука, сжал его сердце. Он не мог! Он не мог позволить Линь Мые умереть из-за него!

Остаточные чувства прежнего владельца тела, словно спящий вулкан, в этот момент изверглись, подавив всякий разум. Инстинкт выживания и стремление защитить заставили его совершить поступок, который привел всех в неописуемый ужас.

В тот самый миг, когда начальник гвардии замахнулся мечом на Линь Мые, Се Цинъянь с трудом поднялся с земли и из последних сил сбил с ног маленького евнуха, стоявшего рядом с медной жаровней.

Дзынь!

Раскаленная медная жаровня опрокинулась, крышка отлетела, и из нее посыпались еще не догоревшие угли с багровыми искрами. Раскаленные куски упали на холодный золотой кирпич, зашипели, распространяя обжигающий жар.

Время словно растянулось и застыло.

Се Цинъянь не колебался ни секунды. На глазах у всех, кто замер от шока и неверия, он наклонился и молниеносным движением схватил обеими руками — руками, которые когда-то писали прошения о помощи народу, а теперь были обречены сгореть в адском огне — горсть раскаленных углей!

— А-а-а! — пронзительная, невыразимая боль взорвалась в ладонях и разлилась по всему телу! Запах паленой плоти наполнил воздух! Его тело содрогалось в конвульсиях, как ива на ветру, из горла вырывался разбитый, нечеловеческий вой. На лбу вздулись вены, холодный пот мгновенно пропитал одежду. Но он крепко закусил губу до крови, и алая струйка, стекая по

подбородку, окрасила его бледное лицо. Он вынес эту горящую плоть, этот огонь ада, прямо к Сяо Чэ! Поднял высоко вверх!

Он поднял голову. Лицо его было белее бумаги, губы разбиты в кровь.

Его глаза, затуманенные слезами от невыносимой боли, горели безумием и отчаянной мольбой. Он смотрел на Сяо Чэ, не отрываясь, словно принося себя в жертву. Горсть углей в его ладонях шипела и горела — это было его единственное оружие, его безмолвный, кровавый упрек и последняя, страшная ставка в этой игре.

Моей жизнью — за жизнь Линь Мье! Этим пламенем — за шанс на его спасение!

Весь хаос в Западном саду в этот момент затих. Ветер, плач беженцев, окрики гвардейцев, звон мечей — все звуки исчезли.

Все взгляды были прикованы к этой страшной, потрясающей до глубины души сцене: хрупкая, словно бумажная фигура, руки, обугленные до черноты, и взгляд, полный безумия и скорби, умоляющий императора. Казалось, во всем мире остались только эти угли и эти горящие глаза.

Линь Мье застыл в седле, словно пораженный невидимым молотом. Он смотрел на руки Се Цинъяня, на поднимающийся дым от горящей плоти, и издал мучительный, похожий на вой одинокого волка крик:

— Яньянь!!!

Сяо Чэ застыл, словно его поразило сильнейшее заклятие. Он смотрел на эти руки — когда-то изящные, как нефрит, а теперь черные, с обугленной плотью. Смотрел на глаза Се Цинъяня, полные боли и слез, в которых по-прежнему отражался только он один.

В этом взгляде не было страха смерти, лишь безумие и решимость сгореть дотла ради другого мужчины! Эта решимость, как раскаленный кинжал, пронзила сердце Сяо Чэ.

Невиданная ярость, способная разрушить всё, и боль, пронзившая его до самого костного мозга, взорвались в глубине его сердца. Она сожгла весь его разум. Зависть, гнев, чувство предательства и эта непонятная, невыносимая боль от увиденного накрыли его, как цунами.

— Ты... ради него... — голос Сяо Чэ был пугающе хриплым, словно наждак по ржавому железу. Каждое слово было пропитано кровью.

Он смотрел на Се Цинъяня, и в его глазах менялось всё: от изумления и неверия до всепоглощающей ярости, которая в конце концов осела в бездонную, ледяную бездну.

Он резко взмахнул рукой! Не чтобы принять эти угли, а с огромной силой, с яростью и невыразимой болью, он сбил руки Се Цинъяня!

Раскаленные угли разлетелись в стороны, как искры из ада. Несколько штук попали Сяо Чэ на тыльную сторону ладони, оставив ярко-красные ожоги, но он даже не почувствовал этого — эта боль была ничтожна по сравнению с той, что жгла его изнутри.

Се Цинъянь больше не мог держаться. Боль в руках и полное истощение сил поглотили его, в глазах потемнело, и он, словно подбитая бабочка, начал падать вперед.

Перед тем как сознание померкло, он почувствовал, что попал в холодные, твердые объятия, пахнущие кровью и яростью.

Сяо Чэ подхватил его легкое, почти невесомое тело. Он не смотрел ни на остолбеневшего Линь Муе, ни на тысячи замерших беженцев. Он лишь процедил сквозь зубы приказ, ледящий душу и разносящийся по всему саду:

— Линь Муе — в темницу! Всех смутьянов, что посмели пойти против императора, — найти и казнить до третьего колена!

— Возвращаемся во дворец!

<http://bllate.org/book/20749/2080019>